

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Одно время я думал, что все хорошее дается нам свыше. Но после того как глубинные бомбы рвались вокруг меня целых пять минут, я быстро изменил свое мнение на этот счет.

Лейтенант флота Пауль Моллер

Подводник

Третья серия глубинных бомб легла дальше, хоть и тряхнула лодку. Четвертая серия — с кормы — звучала еще глуше. Пятая легла еще дальше в стороне. И затем — долгая тишина, нарушаемая лишь хриплым дыханием собравшихся в центральном посту да падением капель конденсата с потолочных труб.

— Отходит, — акустик произнес это, едва шевеля губами, но никто и не подумал переспросить. Где-то там, наверху, кто-то ровно так же держался за наушники, лова каждый приходящий из глубины шёпот. — Разворачивается...

— Командир?

Молодой офицер стащил пилотку, провел рукой по макушке, словно пытаясь хоть немного пригладить короткий форменный ёжик.

— Малый вперед, руль право двадцать. Отойдем и попробуем всплыть под перис... — он осекся, не договорив, потому что все в отсеке услышали новый звук, едва ли не самый страшный на свете — резкий, отрывистый импульс гидролокатора. И почти сразу за ним — глухие тяжелые удары о воду. Этот звук опередил погружаю-

щиеся бомбы, но совсем ненамного. А потом стало темно...

Фон Хартманн, хмурясь, смотрел, как понурые курсанты один за другим выбираются из люка тренажера. Когда его только монтировали, кто-то предлагал подвести среди многочисленных фальшивых труб пяток настоящих, с холодной водичкой, чтобы в нужный момент добавить правильных ощущений. Жаль, техники отпилились: мол, у нас там электроприборы, вам развлечение, а нам после каждого такого дождика паять не перепаять. Но в целом и так неплохо получилось.

Последним, как положено, вылез «командир», он же староста класса, имевший самый унылый и помятый вид. Но — пока еще живой, хотя только что постарался этот факт исправить.

— Лейтенант флота Такахаси!

Парень затравленно глянул на преподавателя и попытался хотя бы распрямить плечи.

— Вы хоть поняли, в чем была ваша ошибка?!

— Так точно, фрегат-капитан.

— Излагайте...

— Не уделил внимания первоначальному докладу акустика о сдвоенной цели... — уставясь на «волнистый» паркет, принялся перечислять незадачливый «командир», и лейтенант совершенно по-мальчишески шмыгнул носом, — не выждал.

— Положим, выждать бы у вас вряд ли получилось, — усмехнулся фон Хартманн. — Вы на сегодня последняя группа, так сидеть пришлось бы до-олго. Я человек одинокий, дома меня даже кошка не ждет...

— Неужели до утра бы сидели, Ярослав Ахмедович? — не выдержал кто-то из остававшихся снаружи. — Виноват, фрегат-капитан...

— До утра, — фон Хартманн оглянулся на бронзовые часы над входом, — вас точно не хватило бы.

Говорить, сколько именно курсантам пришлось бы сидеть в тренажере, он все же не стал. Хотя внутри не

было часов и все свои перед «погружением» испытуемым полагалось сложить в отдельный ящик, но... понятное дело, правила существуют затем, чтобы их пытались нарушить. Не тюремщиков же вызывать для обыска, чтобы светили фонариком в рот и другие места, куда солнце не заглядывает.

— Данный тактический прием, — подойдя к доске, Ярослав изобразил два расходящихся сторожевика и напротив них силуэт субмарины, — у нас получил название «атака с подкрадыванием». Один корабль старается удерживать постоянный контакт с подлодкой и передает данные о её месте на второй. А тот на малом ходу выходит на позицию для атаки. А дальше, — фон Хартманн кивнул на тренажер, — вы сами все видели. Субмарина подход второго корабля не слышит, начать маневр уклонения не успевает. В последний момент импульсом гидролокатора уточняют позицию и накрывают серией глубинных бомб. Простая и очень эффективная схема.

Ярослав замолчал, обводя взглядом притихших курсантов.

— Мы узнали о ней четыре месяца назад, когда Е-275 после такой атаки смогла всплыть и вернуться. Теперь о ней знаете и вы. На сегодня всё, свободны.

Он держался, пока за последним из учеников не хлопнулась дверь. Потом опустился — да что там, рухнул как мешок — на стул у стены, словно из надутого манекена в офицерской форме кто-то резко выпустил воздух. Вновь оглянувшись на дверь, вытащил из нагрудного кармана плоскую фляжку. С утра она была залита «под пробку», сейчас в ней оставалась примерно четверть, и этот остаток он влил в себя за пару глотков. Стало чуть легче... но всего лишь чуть, и даже удар с размаху обоими кулаками по столешнице не принес облегчения.

— Вот дерьмо, а...

Отвечать было некому — только с официального портрета сбоку от доски на происходящее укоризнен-

но взирал адмирал Борщаго. Но старик этим занимался уже лет семьдесят, вне зависимости от происходящего в помещении. Даже когда в нем уже никого не оставалось и свет выключили.

На улице, впрочем, тоже было темно. Вечер пятницы, время «добровольной помощи воинам империи», то есть плановое отключение невоенных потребителей. Вдоль аллеи светила лишь каждая пятая лампочка, да и та желто, вполнакала — отражающаяся в лужах сквозь разрывы туч луна казалась куда ярче.

Собственно, видно было по большей части эти самые лужи — разбросанные по асфальту блестящие кляксы с черными точками опавших листьев. Ступив на одно из этих пятен, фон Хартманн запоздало вспомнил, что на правом башмаке уже неделю как разошелся шов. Надо бы отнести сапожнику, работы всего ничего, но все никак не получалось — другой обуви на осень в доме нет, не считая парадных сапог, а в них и на параде-то выглядишь дурачки...

Тут впереди появились два круглых белых пятна, и сгусток тьмы за ними обрел угловатые черты автомобиля. Пятна стали ярче, свет резанул по глазам, и пришлось прикрыться рукой. Сцена как из плохого детективного фильма, только это не кино, а трофейный «Горлов» он перестал носить еще весной. Глупо показалось таскать лишнее кило железа... район тихий, что ни дом — флотские отставники, а чаще — доживающие на половинную пенсию вдовы. Своей шпаны нет, а портовые так высоко в гору не заходят. Ибо взять с местных стариков почти что нечего, зато идти мимо «кумирни», она же «база подготовки № 4», и риск нарваться по дороге на рыщущий в поисках самовольщиков патруль неприятно велик. А флотские — это не родная полиция, сначала отоварят прикладом по почкам для профилактики, а потом начнут ласково спрашивать, чьих ты, сукин сын, будешь и почему до сих пор от призыва бегаешь?

Жаль, сюда патрули не заходят, далеко...

Дверца машины звонко лязгнула, выпуская наружу что-то темное, длинное... и слегка сутулое. Водитель сделал два шага вперед, так что в конус фар попали ноги, край темно-синего пальто... выше, на лице тонко блеснули стекла, а под ними смутно белел... шарф?!

— Ю-ю?! Юрка?

Пожалуй, если бы в него все же выстрелили, фон Хартманн удивился бы меньше. Но Ю-ю, в своих узких очочках и с непременным шарфом, который он таскал почти в любую погоду, огребая одно замечание за другим... словно пробоина, в которую потоком хлынули воспоминания о той, прошлой жизни. Где было жаркое тропическое солнце над головой, солёный ветер в лицо, яркая зелень пальм на крохотных островках...

...и перечеркнутые делениями силуэты в перископе.

— В десятку, командир! — Крейсер-капитан Юсимура сделал еще шаг, сойдя с тротуара, и встал, заслоня одну из фар. — Ты тоже почти не изменился.

Он протянул руку в перчатке, и Ярослав едва не пожал её по новообретенной привычке, лишь в последний миг спохватившись и перехватив «локоть к локтю», старое приветствие подплава, «для тех, кто нырял в одном стальном гробу».

— Давно не виделись. Год?

— Больше, — Юрий на миг задумался, — с прошлого лета. Последний раз мы виделись на церемонии прощания с Гансом Варензой.

Казенно-канцелярское «церемония прощания» для фон Хартманна прозвучало как гвоздь по стеклу. Похороны без мертвеца, зачем-то придуманный имперскими чинушами ритуал для тех, у кого никогда не будет могилы на суше.

— Не помню. Я в тот день был не в лучшей форме.

Особенно вечером. Кому он тогда порывался набить морду? Этой адмиральской гниде Генриху, за то, что посмел явиться? Или все-таки врезал пару раз? Мундир наутро был в пятнах крови, это факт...

— Это для нас всех был тяжелый день, — дипломатично согласился Юсимура. — Сядешь в машину? Есть разговор.

В щеку словно кольнуло ледяной иголкой. Ярослав оглянулся — так и есть, по лужам начали расплываться круги. Осенний дождь — та еще дрянь, особенно на проспекте Спящих Героев после аллеи. Там ветер несет эти брызги почти параллельно земле, даже зонтик не спасает, а уж офицерский берет и вовсе. Словно бы само небо подталкивало к нужному решению.

А в машине действительно было тепло и сухо.

— Твоя?

— Служебная, — быстро, словно извиняясь, сказал Юсимура. — Старая, конечно, но у нас в гараже хороший механик. Новых легковых у нас сейчас почти не делают, все производство занято под армейские вездеходы. Те красавицы, что бегают по центру, это по большей части экспорт, и там пошлина как бы не больше цены...

— Красиво жить не запретишь, — фыркнул Ярослав. — Точнее, запретить-то можно, но тогда начнется поиск обходных лазеек и всякое такое. Впрочем, эти новые, зализанные, мне лично не очень. В этих старых каретах на колёсах еще была душа мастера, а не просто кузовная штамповка.

— Да, что-то такое чувствуется, — Юрий нежно провел рукой по лакированной панели. — Куда поедем? К тебе, ко мне?

— А почему не в ресторан? Я хоть и не симпатичная курсистка, но сейчас бы от горячего не отказался.

— В заведение никак, — отрицательно мотнул головой крейсер-капитан. — Разговор серьезный, Хан Глубины. Без чужих ушей в округе.

* * *

Человеку невежественному и не-
образованному полезно листать кни-
ги хотя бы ради мудрости эпитафий.

Уинстон Черчилль

Администратор

Ответственный администратор Конфедерации, Исаак Стиллман, «Великий непоколебимый», спал в маленькой комнате отдыха при рабочем кабинете — с подушкой на ухе и скомканным одеялом под головой.

Где-то за стенами билось политическое сердце Конфедерации. В пулемётном темпе долбили в офисах печатные машинки и телетайпы. Выли на высоких оборотах барабаны скоростных электромеханических дешифровщиков. Щёлкали конвейерами подачи катушек и семафорами бюро дорожные, как хороший бомбардировщик, гипертекстовые картотеки «мемо-максов» аналитического отдела.

Исаак Стиллман упрямо спал. Как в любой иной день за все пять лет войны, перед выходом на вторую, уже вечернюю, рабочую смену. Прерывать час дневного сна он позволил только в том случае, если нога имперского десантника ступит на исконные земли отцов нации.

Пока что этого не случилось.

Пока.

Лёгкий ужин подали через пятнадцать минут. Как раз вовремя, чтобы скинуть дремоту и привести себя в рабочий вид.

Ответственный администратор посмотрел в тарелку, усмехнулся, поправил салфетку и принялся за морской салат. Как он сказал той ехидной журналистке? «Легко и необременительно служить примером умеренности в еде, когда вопросами питания вместо твоего повара начинает заниматься твой врач».

Экономика сухопутного тыла Конфедерации трещала по швам который уже год. Нехитрую шутку сожрали

быстрей горячего расстегая с визигой. Народ смеялся. А значит, страна всё ещё оставалась на стороне бессменного ответственного администратора. Даже сейчас, четверть века спустя, когда он всё ещё мог перебирать сорта кофе, а им всё чаще приходилось выбирать между «вроде бы кофе» и цикорием.

Конечно, всех ответственных администраторов, при ком началась большая война, переизбрали на очередной срок. Но вот после него? И после того, что за ним? Какое чудо оставит на верховном посту Конфедерации человека в ответе за очередную войну, когда та идёт вот уже пятый год?

Да, люди познали магию. Да, люди заменили её наукой. Да, они узнавали всё больше и про то, и про другое на дороге к неминуемой сингулярности, когда наука и магия сольются настолько, что окончательно перестанут отличаться друг от друга, а люди смогут всё.

Но лишь политику доступно подлинное чудо — остаться у руля там, куда почти четверть века назад он пришёл безымянным временщиком, отбыть короткий номер и кануть в политическое небытие.

Увы, даже у этого чуда есть свои границы. И в последние годы они напоминали о себе всё чаще.

Тарелки пропали, едва лишь ответственный администратор отставил их в сторону. Пропали... чтобы немедленно вернуться. Молчаливые тени-прислуги без единого лишнего звука сервировали гостевой столик на одного посетителя. Самовар, фарфор, блюдечки с маковыми баранками...

«Ну да, — вспомнил Стиллман. — Какая-то молодёжная патриотическая организация. Явится очередная сушёная вобла из медной сотни и будет просить денег на бессмысленные парады. И как только согласование прошла?»

Чуть слышный шум за массивными створками гостевой двери кабинета заставил его изменить это мнение.

— Я договаривалась! — Скандал на таких оборотах в приёмной без хотя бы одной пары орденосных ко-

мандиров суперлинкоров из двух разных боярских родов казался чем-то небывалым. Тем не менее именно это там и происходило.

— Сам дурак!

Левая бровь Стиллмана чуть заметно дрогнула. В его приёмной оказывались разные гости, но такие откровенные в общении с непоколебимым паном Гжегожем, пожалуй, впервые.

— Подпись. Согласование. Печать. Виза. — Судя по глухим ударам, каждый аргумент от всей широты души припечатывался сверху кулаком по столу. — И только посмей не пустить, душа чернильная, мне по всем вашим обезьяньим ритуалам назначено!

— Пан Гжегож, в самом деле, пустите уже нашу посетительницу, — Стиллман не выдержал, прижал клавишу селектора и лично пришёл на помощь секретарю. — Не заставляйте даму ждать.

К тому, кто явится в его кабинет, жизнь ответственного администратора Исаака Стиллмана не готовила.

— Газель? — удивлённо спросил он. В девушке в изящно приталенном и явно сшитом на заказ псевдвоенном мундирчике — отличий ровно столько, чтобы не спутать его с настоящей формой морской ударной полусотни — ответственный администратор моментально признал собственную дочь. Отличницу, спортсменку и активистку. Но только сейчас Исаак Стиллман осознал, какой именно организации.

— Здравствуй, папа. — Юная гостья прошла к столику, отставила жалобно звякнувший фарфором поднос в сторону и плюхнула на столик чуть помятый ворох официального вида бумаг. — Я знаю, мы уже год не виделись, но извини, сегодня я к тебе не чай гонять пришла.

— М-м?.. — Ответственный администратор чуть заметно поднял левую бровь.

— Мы с девочками хотим оказаться на действительной службе на благо Конфедерации! — выпалила Газель. И тут же добавила, на добивание: — Мама согласна!

— Гхрм. — Исаак Стиллман взял бумаги в руки. Прощение, сводка по сертификатам, пофамильный список... — А вы — это, простите, кто?

— Ну, я... — начала Газель. — И в порядке формирования актива Верзохина-Джурай, Марыська Пшешешенко, Сабурова-Сакаенко-младшая, Саманта Ньюберри, обе Тоямы и дальше по списку ещё девяносто четыре фамилии. Если тебе интересно, да, примерно того же уровня.

«Ксо, шиматта, — подумал ответственный администратор. — И тут одни восточноимперцы!»

— Простите, Газель Исааковна, — официальным голосом произнёс отец, — а кем?

— А ты не видишь? — Газель демонстративно подёргала пижонский аксельбант псевдофлотской парадки. — Мы тебе две ударные полусотни бортовой флайт-станции родили. Истинное чудо порочного зачатия! Средний налёт около семисот часов. Сертификаты государственного образца. Инструкторы все уже военных лет, не годные к практической боевой по инвалидности.

При этих словах в памяти ответственного администратора всплыло какое-то неприятное воспоминание.

— То есть, — начал он, — тот отказ «В-Д Эйр Кантай» увеличить объёмы поставок флоту, несмотря на увеличение загруженности производства...

— Есть исполнение заказа наших тренировочных аэродромов на поставку современной боеспособной техники, — подтвердила дочь. — Замечательный скандал, да, пап? Все передовицы соберёт. Когда там у тебя переборы на календаре?

— Бабы на флоте?.. — демонстративно задумался Стиллман в ответ. — Ты представляешь, что мне адмиралы по этому поводу скажут?

— А что они скажут, папочка? Ты что, не понял? Здесь подписи всех. И девчонок, и матерей. Специально, чтобы твои заслуженные орденоносные педрилы могли потереться всеми теми бумажками, которые решат куда-либо по этому поводу отправить, едва лишь поймут,

на чьих жён и детей голос поднимают! — Газель спазматически задохнулась.

Администратор улыбнулся и промолчал. Он таких ошибок в своих публичных речах давно уже не совершал. К своему глубокому сожалению, такую искренность он себе мог позволить и того реже.

— А если ты сейчас этому не дашь ход — мы пойдём ко всем! — гневно продолжила дочь. — От Комитета солдатских матерей эмигрантских наций за право служить Конфедерации до каждого бульварного листка по «Москву сбоку» включительно! И можешь поверить, что у них мы сдерживаться на язык уже не станем!

— Газель Исааковна, — не отказал себе в удовольствии подколки Стиллман, — вы хотите сказать, что сейчас вы ещё сдерживаетесь?

— Да! — На стол упала ещё одна припечатанная для веса кулаком бумага. Гербовая, с печатями и золотым обрезом. — У меня тысяча двести часов налёта! Скажи мне, глядя в лицо: я лётчик морской ударной полусотни или болонка комнатная?

— Боюсь, — ответственный администратор с удовольствием следил, как с каждым его новым словом меняется лицо гостыи, — что в сложившейся на фронтах ситуации Конфедерация не может себе позволить...

— Па-а-паа! — жалобно простонала Газель.

— Не может себе позволить, — с удовольствием повторил ответственный администратор, — игнорировать наличие в активном резерве двух слётанных и боеготовых полусотен ударного войска морского.

Газель завизжала так же, как в девять лет при виде новой плинкерной самозарядки, и повисла на шее ответственного администратора.

— Сейчас уходят в строй новые суда эскорта, — сказал он дочери на ухо, едва та хоть немного утихла. — «Кайзер-бэй», «Крамник-бэй», «Кемоно-бэй» и другие, всего шесть бортов. Восемь пятьсот ластов водоизмещения. Это даже не секрет, в газетах на этой неделе уже